

АГНИЯ ДМИТРИЕВА

ЛЕГЕНДЫ ЛУННОГО ПЛЕМЕНИ

СКАЗКА ПЕРВАЯ. ДУШЕГУБ

18+

Агния Дмитриева

**Легенды лунного племени.
Сказка первая. Душегуб**

«Автор»

2026

Дмитриева А.

Легенды лунного племени. Сказка первая. Душегуб /
А. Дмитриева — «Автор», 2026

Односельчане не жалуют нелюдимого Фёдора за грубый характер и пепельный цвет волос, так не подходящий возрасту. Но только этот человек может противостоять местной стае волков и находить пропадающих в чаще людей. Множество тайн хранит под сенью своей лес. Легенды его уходят корнями в далёкие времена, когда в этих краях поселились чужаки. Сейчас только Фёдору известна страшная история двух племён, связанных общей бедой. А когда на его пороге оказывается молодой отец, готовый на любые жертвы ради спасения дочери, охотник выдвигается на поиски. Действовать надо быстро, ведь кроме волков в лесу завёлся кто-то ещё.

© Дмитриева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Чужаки	5
2. Беда	7
3. Разные	9
4. Слежка	10
5. Двое	13
6. Столкновение	15
7. Первенец	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Легенды лунного племени.

Сказка первая. Душегуб

1. Чужаки

Когда-то...

– Они пришли из тех земель, о которых было не принято говорить вслух. Север казался местным чем-то далёким, оттого таинственно опасным. Все, кого заносило оттуда, становились изгоями. Но не эти люди. Их появление совпало с тяжёлыми временами. Затяжная война принесла болезнь маленькой мирной деревушке, запрятанной в непроходимых лесных массивах. Мор забирал лучших. Матёрые охотники и бывалые земледельцы не успевали передавать знания своим юным преемникам. Силы иссякали. Деревня иссыхала. Приближались холода. А вместе с ними голод.

– Пап, – перебил мальчишка, – а что значит изгоями?

– Так называют людей, которых все избегают.

– С ними не хотят общаться? А почему?

Мужчина грустно улыбнулся, положив большую ладонь на макушку сына. Он взъерошил его серые волосы и чуть поморщился, вспоминая, косые взгляды односельчан. Ребёнок с пепельной головой вызывает много вопросов у тех, кого это вообще не должно волновать. Вслух они, конечно, не зададут ни одного. Только посмотрят с осуждением или жалостью и сделают собственные выводы, не имеющие ничего общего с истиной.

– Папа? – напомнил мальчик.

– Просто некоторые из нас рождаются непохожими на остальных. А люди не всегда могут понять и принять тех, кто от них отличается.

– Глупые, – буркнул сын. – Они дети что ли?

– Скажу тебе по секрету, взрослые только притворяются, что всё знают, а на самом деле им тоже бывает непонятно и даже страшно.

– И тебе?

– И мне.

Тёмные глаза внимательно уставились на отца, точно пытались высмотреть самую суть его души. Мужчине становилось не по себе от этой странной привычки ребёнка. Он улыбнулся потерянно.

– Что там? – прервал молчание мальчик.

– Где?

– В этой истории. Наступил голод. А дальше?

– А! Ну да, – спохватился отец. – Голод. На самом деле он не успел ударить в полную силу. Скудные запасы делили поровну. Надо отдать должное деревенским, они умели встречать беду достойно. Справлялись с ней вместе. Чужаков здесь не жаловали, но своих никогда не бросали. Недостаток еды больше всего сказался на детях. Болезнь возвращалась, а зима неминуемо набирала силу. Тогда и пришли эти люди.

С самого начала они были другими. Чёрные и серебристые волосы ярко выделяли их среди местных – от природы русских – собратьев. Шкуры носили только волчьи. Шили их как-то странно, совсем бесформенно. Будто и не ведали швейного мастерства. Зато в охоте равных им не было. Самые знатные умельцы былых времён вряд ли смогли бы соперничать даже со слабыми представителями нового племени. Скоро выяснилось, что это не единственный их талант. Тайные знания, трепетно оберегавшиеся чужаками, делали их выше всех, кто когда-

либо вступал на эти земли. Они были близки с природой. Понимали животных, точно те говорили с ними на одном языке. Лечили скот. Избавляли от хворей людей.

Теперь уже не упомнить, кто и почему начал называть их Серыми. Только так крепко пристало к ним прозвище это, что и поныне связывают его с народом, который давно не появляется среди живущих. По крайней мере, в человеческом облики. И мало кто помнит, что именно они помогли местным излечиться от болезни. Мор закончился. А лекарям было разрешено занять отдалённую часть деревни.

Хоть люди и были благодарны Серым и почитали их великими шаманами, всё же сторонились и немного боялись. Чужаки тоже не стремились сближаться с новыми соседями. Им было нужно место и спокойствие. Здесь они могли его получить. Хотя бы на какое-то время.

Жили они мирно и скрытно. Оттого околотов их обрастал слухами, которые со временем превращались в легенды. Взрослые ругали друг друга за беспочвенные страхи, но передавали их из уст в уста. Дети заворожённо прислушивались и додумывали новые подробности. Прокрадывались в дальнюю деревню. Подбирались к младшим Серым. Сказки разрастались. И было в них много лжи. Но и истина была. Да только кто же теперь разберёт, сколько осталось в том правды.

2. Беда

Наши дни...

– Да кто ж его знает, сколько в том правды-то! – зазвучал под окном зычный голос главы сельсовета.

Охотник поморщился. Приоткрыл глаза. На улице ещё не взошло солнце. «Что за чёрт? – мелькнуло в голове. – В такую рань».

В дверь постучали.

– Фёдор! Открывай!

Стук повторился. Громче и настойчивее. Мужчина завозился, кровать под ним натужно закрипела. С трудом сел. Потянулся. Протёр глаза. На часах – начало шестого. В голове – дурнота. «Чего им надо опять?» – подумал с досадой. Всё-таки поплёлся открывать.

– Фёдор! Дело срочное! – затараторил глава. – У нас ЧП в лесу. Снова.

– Нечего мне сказать, Иваныч! Сами виноваты! – он окинул недовольным взглядом рослого измождённого незнакомца, стоявшего тут же. – Прекратите таскать туда туристов и жечь костры. Да сами меньше лазьте.

– Фёдор! – почти по слогам заговорил глава, хватая его за локоть. – Тут другое. Ребёнок пропал! Девочка. Понимаешь?

– Это не они, – тут же выпалил мужчина, не давая старику договорить. – Они не трогают детей. Никогда.

– Откуда вам знать?! – возмутился незнакомец, глаза его задрожали. – Это же волки? Я правильно понимаю? Звери!

– Да бросьте вы! Заблудилась девчутка! Мы её зараз найдём. Нет у нас никаких волков!

– Отец? – догадался Фёдор.

Старик кивнул.

– С матерью истерика, еле уложили под капельницу. Сама собиралась искать. А вот Егор Александрович...

– Что мы вообще здесь возимся?! – накалялся незнакомец. – Мне надо дочь искать! А вы меня сюда притащили! К какому-то лешему.

– Егор Александрович, позвольте! – испугался глава. – Фёдор – отличный охотник. И лес знает, как свои пять пальцев.

– Леший и есть, – бросил Фёдор. – Ты, Иваныч, не гомони. А вы, мужчина, лучше идите к жене. Девочку вашу я найду.

– Я с вами.

– В таком состоянии?

Он с трудом подавил желание выругать и мямлящего отца, и надоедливого старика. Перевёл дыхание.

– Послушайте... Егор? – он выдернул пачку сигарет из трясущихся рук незнакомца и со злостью смял её. – Это вам точно ничем не поможет. Я найду её сам. Вы только мешаться будете. Фотография есть?

– Да, сейчас, – он полез в карман, но снова весь затрясся, – нет! Ну как я могу?!

Фёдор открыл рот, чтобы высказать всё, что кипело в нём в последние несколько минут, но Иваныч, предчувствуя катастрофу, спохватился первым:

– Идите-ка сюда, я вам кое-что скажу! – вскричал он, оттаскивая обмякшего отца в сторону.

Охотник с напряжением наблюдал за двумя фигурами в полутьме. Он глубоко вдыхал, пытаясь понять что-то недоступное другим. Прислушивался. Лес молчал. Но молчание это

было каким-то натянутым. Он поёжился, ощутив потаённый взгляд. Стал озираться по сторонам. Две светящиеся точки показались в глубине чащи, начинавшейся прямо за его домом. Что-то было не так.

– Где она пропала? – спросил Фёдор, подходя к неожиданным гостям.

Егор замямлил что-то невнятное.

– В Щёточках. Там, за больницей, дорожка напрямиком в заросли, – отчеканил глава. – Дети протоптали. Я и не знал.

– Мы же можем начать отсюда? – пробубнил отец. – Лес везде одинаковый!

– Егор Александрович! – Иваныч снова помешал охотнику открыть рот. – Что я вам говорил? Подите пока к машине.

Мужчина хотел протестовать, но почему-то остановился. Устало и сурово посмотрев на Фёдора, наткнулся на ответный взгляд. Тёмные с жёлтым отливом глаза больше не выражали враждебности. Что-то другое было в них. Что-то, заставившее Егора внутренне сжаться. Они проникали в душу, точно выискивая самую её суть. Почему-то это вселило в раздавленного отца чуть больше надежды. Он кивнул и молча поплёлся к дороге.

– Федя, ты мне одно скажи, – начал глава взволнованно.

– Девочка от них не пострадает, – не дослушал тот. – Насчёт остального не знаю.

– Как это понимать? – забеспокоился старик.

– Избавь меня от этого папаши. Зверь встревожен. Дочку не тронут, а его могут.

– Ну, войди ты в его положение! Молодой отец, один ребёнок, и тут такое. Ещё и слухи всякие – то волки, то маньяки.

– Какие маньяки? – удивился Фёдор.

– Да, ведь только про это говорят, выпустили недавно какого-то душегуба, который детей изводил, – по лицу главы пробежало болезненное отвращение, – там такие сводки, Господи прости. Нелюдь, в общем.

– У нас что ли?

– В городе. Да людям дай только повод. Нашим-то фантазии не занимать.

– Это да, – вздохнул Фёдор.

Он снова посмотрел в сторону леса. Солнце уже виднелось над верхушками деревьев. Волчьи глаза скрылись из виду.

– Надо идти.

– А папаша?

– Некогда мне с ним нянькаться!

Фёдор пошёл в дом собираться. Иваныч ещё несколько минут смотрел на закрытую дверь. Он не имел особого чутья, когда касалось животных. Другое дело – люди. Здесь старик сразу уловил тревожные сигналы. А теперь ещё больше убедился. Охотник всегда был грубоват и нелюдим. Но сегодня в его поведении чувствовалась какая-то напряжённость, скрытая угроза. И дело было не в том, что новый потерявшийся – ребёнок. Глава это понял. Что-то было не так.

3. Разные

Когда-то...

Что-то было не так. Во всём их поведении. Местные наблюдали по-своему. Досуже. Тайны выискивали. А когда человек начинает искать, он непременно находит. Даже то, чего в помине нет. Время шло, и к Серым привыкали. Они уже не были чужаками, но и своими не становились. Они продолжали помогать с охотой. Приходили лечить. Они жили, как добрые соседи, но были закрыты от постороннего глаза.

Дети их казались более общительными поначалу. С интересом наблюдали за жизнью местных, дружили с их чадами. Забегали на праздники. Но тайн не открывали. Чем старше становились, тем сильнее отдалялись. Люди обвиняли Серых в надменности и никогда не замечали, что зачастую причиной разлада служит их собственное отношение.

– А моя мама сказала, что к вам мертвецы по ночам ходят.

– Папа говорит, у вас рожки и копытца.

– А, правда, что вы никогда не моетесь?

– Покажешь мне свои плавники? Не ври! Мне дядька всё про вас рассказал!

Взрослые рождали слухи шёпотом, но дети повторяли их громко и с насмешками.

– Они не готовы к знаниям, – говорили старейшины пришлых. – Даже крупица способна сгубить...

Серые не хотели никому вредить. Поэтому терпели молча. Им нравился незатейливый быт соседей. Они тоже многое узнавали. Не выпрашивая, а наблюдая. Так, как их учили предки. Так, как теперь сами учили своих детей.

Но даже среди вражды иногда рождаются узы, что крепче любых запретов. Будь то дружба или любовь – такая связь пробивается, как росток, проросший сквозь асфальт. Следом появляются цветы. И пусть век их бывает коротким, красота, которую они дарят миру, способна спасти души миллионов. Случаются и разрушения. Да такие, от которых не одно королевство погибло. Выбор делает ближний. И он не всегда бывает правильным.

Крепкие союзы между двумя племенами возникали и до того случая. Изредка Серые проносили тёплое чувство к друзьям детства через всю жизнь. Общались. Приходили в гости. Иногда русоволосые девчонки и мальчишки местных заглядывались на серебристые головки соседей. Влюблялись. Единицы сближались настолько, что уже не могли представить жизнь друг без друга. Шли на поклон к родителям. Старшие долго совещались, но редко вставали против воли детей. Ещё жила в них память про тот мор. Да и потомство было необходимо. Серые были настороженнее. Отговаривали. Но не препятствовали. Отпускали, однако, с условием: знания, полученные в родном племени, там и остаются. Не потому, что считали соседей недостойными. Просто берегли от ноши, которая и для них самих казалась порой непомерной.

Межплеменные свадьбы всегда отличались пышностью. Благодаря этим гуляниям, местные узнали ещё об одном таланте Серых и искусстве, о котором не ведали ранее. Называли это балаганом. Юноши и девушки одевались в костюмы животных и показывали представление. Так рассказывали истории молодожёнов. О том, как познакомились и полюбили друг друга. Иносказательно, но всегда узнаваемо. Много пели и танцевали. Красиво. Душевно. У местных так не выходило. Всё же традицию они со временем переняли, хоть и привнесли в неё много своего. Серым это нравилось. Всё-таки соседи тоже умели учиться, наблюдая. Выходило, не такие уж они разные.

Каждый подобный союз был удивителен и непонятен. Поэтому встречался с настороженной напряжённостью у односельчан. Так случилось и с двумя детьми, с которых началась настоящая история.

4. Слежка

Наши дни...

– Ну, началась история! – вздыхал Иваныч. – Вижу же, не всё ты договариваешь.

– Тебе оно надо? – спокойно проговорил Фёдор, разглядывая примятую траву. – Всё равно ж не поймёшь ни черта. А хоть бы и понял, разве поверишь?

– Тыфу на тебя! Вот и отец твой такой же был! Упрямый, да всё умалчивал!

– Генетика. Модная наука, не слыхал? А говоришь, что я тёмный. Не топчи!

Он грубо отодвинул старика в сторону. Тот было завозмущался, но примолк, наблюдая за непривычным действием. Фёдор присел на корточки, пощупал траву, принялся. В такие моменты он и сам становился похожим на зверя, выслеживающего дичь. Глава вспомнил, какие слухи ходили вокруг этого семейства, и подумал, что может и в них оказаться что-нибудь правдивое.

– Покажи ещё раз, – слышалось над самым ухом Иваныча. Он вздрогнул.

– А?

– Карточку девочки.

Пару мгновений старик возился с сенсорным экраном, совершенно не желавшим слушаться владельца.

– Вот тебе настоящая чертовщина! – запричитал глава. – Дети подарили на юбилей. Уж второй месяц сладить не могу. Мне бы что попроще. Как хорошо на старом было, только «вкл» да «выкл», ничего лишнего.

Старик растерянно хохотнул, и какое-то жалкое выражение проползло по его лицу. Сердце охотника не дрогнуло, только в глубине души мигнуло старое сожаление. Каким бы стал отец в этом возрасте? А мама?

– Да вот же она! – облегчённо выдохнул глава и сунул телефон Фёдору под самый нос с таким проворством, что тот невольно отшатнулся.

– Сколько ей?

– Девять исполнилось недавно.

Охотник снова взгляделся в изображение. Улыбчивая девчушка с голубыми глазами смотрела на мир с таким открытым и чистым выражением, точно видела в нём божественный след. Иссиня-чёрные волосы, обрамлявшие худенькое личико, придавали каждой чёрточке особую яркость. Аккуратная чёлка добавляла образу округлости. «Красавицей вырастет», – подумалось Фёдору. И сердце впервые за это утро так по-детски заныло. Нельзя расслабляться. Они её не тронут. Но, похоже, там не только они.

– Надо идти, – сказал он скорее себе, чем старику, и зашагал вперёд, не обращая внимания на летевшие в спину вопросы и причитания.

Шёл он не очень быстро. Сам не знал, кого боится спугнуть. Нельзя упустить ни малейшей детали. Здесь что-то творилось. Лес это знал. И почему-то покрывал. Охотник прислушивался. Приглядывался. Останавливался не для того, чтобы перевести дух. Он вникал в звуки. И ничего не находил. Только ветер шелестел листьями.

– Даже птицы не поют, – слышалось за спиной. – Это нормально?

Он давно почуял слежку. Да и как не заметить того, кто в нагнетающей тишине трещит каждой попавшейся веткой, стонет и бранится громким шёпотом?

– Егор... Александрович? – качнул головой Фёдор.

«Не удержал-таки старик папашу», – подумал про себя.

– Можно просто Егор, – замялся мужчина.

Только теперь охотник мог разглядеть его лицо. Такое молодое и испуганное, что не сразу и предположишь наличие девятилетней дочери. Он и сам казался почти мальчишкой. Но отчаяние, читавшееся в каждом неаккуратном движении, почти заставило Фёдора дрогнуть. С трудом удалось не выдать неясную эмоцию.

– Я всё понимаю, – сбивчиво оправдывался Егор, – было бы лучше остаться. Довериться вам, как профессионалу, но... – он с трудом перевёл дыхание и, наконец, посмотрел собеседнику прямо в глаза. – Я не могу бросить её здесь одну.

– Знаю.

О возвращении назад речи быть не могло. Слишком дороги секунды. Фёдору вдруг подумалось, что он с самого начала слышал, преследующие его шаги, но почему-то не остановил, не заставил идти назад. Зачем? Неужели он давно всё решил и теперь даже не удивился навязчивому компаньону? Или причина в том, что всегда находится внутри, где-то под сердцем? В том, что спасает его из самых сложных передрыг, теперь снова заставляло делать непривычные вещи. Шумный папаша может помешать, но... У Фёдора был запасной план. Конечно, некоторыми трюками не стоит делиться с чужими. Это только на крайний случай. Он может и не наступить. А если охотнику всё же придётся приоткрыть завесу своей тайны? Разве этот расстрепанный мальчишка способен сейчас осознавать хоть что-то кроме своей беды?

– Я всё понимаю, – начал Егор, вырывая провожатого из размышлений, – люди не становятся седыми разом.

Он неловко замолчал, неосознанно коснувшись своих волос – иссиня-чёрных, как у дочери. Отвёл глаза, а потом снова уставился на Фёдора.

– Должно быть, вы многое прошли, – продолжил, запинаясь, – и, конечно, вы лучше меня... обучены. Нет, я совсем всё не то говорю! Моя девочка там, а я тут... Это просто, знаете... это...

– Нервы, – помог Фёдор и сам себе удивился. – Нужно отвлечься и... Не перебивайте! Это правильно. Сейчас нужно думать о пути, а не о цели. Не думайте о том, что могло бы с ней случиться.

– Вы считаете, что волки могли...

– Они не тронут ребёнка! Это я вам говорю, – он выждал, вглядываясь в Егора, казавшегося неестественно спокойным, присел, изучая тропку и изломы в траве. Наконец снова заговорил:

– Вот здесь. Видите? Маленькая ножка.

– Это она?

– А рядом ещё след.

– Волчий? – его голос пошатнулся.

– Нет. Лапица большая. Определённо человеческая.

– Хотите сказать, что...

Отец, натянутый до предела, как струна, что вот-вот лопнет, начинал терять самообладание. Фёдор это почувствовал. Он схватил спутника за плечи и встряхнул с большей силой, чем рассчитывал.

– Нет на это времени! Или возвращайтесь сейчас же!

– Я иду с вами, – Егор сказал это, даже не переведя дух, но охотника смутила разительная перемена. С лица разом стекла вся краска, а вместе с ней любые проявления эмоций. «Я же не наделал ему сотрясения?» – подумал Фёдор, но тут же изгнал эту мысль, как совершенно не подходящую ситуации, даже лишнюю. Он повернулся к попутчику спиной и зашагал в глубину леса. Туда, куда вели следы.

– Я, кстати, таким родился, – брякнул охотник, почувствовав невыносимую тяжесть обоюдного молчания.

– В смысле?

– Мои волосы. Они всегда были такими.

5. Двое

Когда-то...

– Они всегда были такими? – шептала девушка, проводя пальцами по непослушным серебристым прядям. Парень улыбнулся, притягивая её к себе.

– Ваши ребята не рождаются седыми стариками?

– Глупый! Седые волосы – мёртвые. Они высыхают за жизнь. У моего дедушки такие. Они пахнут сеном и на ощупь, как солома, а твои на ощупь как... Молоко?

Она рассмеялась, и нотки её радости заполнили старый чердак.

– Тише! – наигранно строго прошипел парень. Он и сам был готов разразиться хохотом, но внутреннее чувство, всегда предупреждавшее об опасности, не дремало. – Нас же заметят.

– Ну и что?

На улице послышалась возня, глухой топот и... Дверь со скрипом распахнулась.

– Пора! – кричащим шёпотом скомандовала Ярка.

Девушка выскользнула из рук любимого и просочилась за дверь. Он выждал немного, прислушался, втянул запах. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Но не от страха. Через несколько минут его здесь не было. И старому Добрану пришлось бы сильно постараться, чтобы отыскать следы двух детей, которых только родные ещё считали таковыми. Умение скрываться – один из первых навыков, которые должны были освоить маленькие Серые.

Милан был особенно усерден в обучении и хорош в маскировке. Ему с самого начала не составляло труда уходить от подслеповатых глаз деда. Куда сложнее прятаться от своих. Впрочем, он не сильно остерегался. Не он первый, не он последний. Да и вряд ли среди знакомых девиц родного племени нашлась бы такая, как Блажена. Только отец не поймёт. Он уже видел в сыне главу семьи. Традиция велела жене уходить в дом мужа. Но Серые не подпускали несведущих соседей так близко, а те были только рады потесниться ради умелого зятя и благополучия дочери. Милан знал: когда наступит этот час, ему придётся уйти из родительского гнезда. И был готов ко всему. По крайней мере, так ему казалось...

Они провели целое лето, ни на минуту не переставая думать друг о друге. Слухи ползли. Из пары слов и нескольких мимолётных взглядов, как из крошечной снежинки, перерастали в большой ком, который не мог не докатиться до старших.

Первыми забеспокоились родители Милана. Они и раньше подозревали неладное. Сын становился рассеянным, всё с меньшим рвением относился к обучению.

– Говори! – наконец, не выдержал отец.

– Ты уже всё знаешь, – пошёл в наступление Милан, испуганный неожиданной резкостью тона.

– А ты? Не знаешь, что бывает...

– Но ведь бывает, – перебил парень.

– Им приходится уходить, – слишком спокойно проговорил отец. – У тебя так не получится... Не в нашей семье.

– Даже ты не можешь мне запретить.

– Если бы всё зависело только от моего слова или желания. У нас есть ответственность. Тебе это хорошо известно.

Милан возмущённо вздохнул. Гораздо громче, чем собирался. Вскочил на ноги, хотел что-то сказать, но, поймав предостерегающий взгляд главы семейства, только неопределённо тряхнул пепельными волосами и выскочил на улицу, с силой хлопнув дверью.

В ту ночь дома он не появился, как и в следующую. Для Серых это не было чем-то особым. Они не слишком опекали детей. Давали им свободу взростеть на воле, учиться при-

нимать собственные решения. Забеспокоилась Блажена. Возлюбленный не пришёл в назначенный час. Не появлялся неделю. На седьмой день насмелилась идти в дальнюю деревню, где была только один раз. В детстве. Без сознания.

Боялась, но виду не подавала. Ещё и Ярка, по обыкновению, увязалась за сестрой. Это раздражало, но придавало немного уверенности.

Родители Милана ничего о нём не знали.

– Побегает по лесу – успокоится, – отрезал отец сурово и закрыл дверь.

Ошарашенная таким приёмом, Блажена была готова разрыдаться. Не столько от горя, сколько от обиды. Конечно, в деревне частенько подтрунивали над ней. Лишь за глаза. В лицо говорить боялись. Слишком часто приходилось ей вступать в бой с соседскими детьми, норовившими задеть полубезумную, как они считали, Яромилу.

– Старшая сестра головой за младшую должна отвечать! – говорил дед.

И Блажена отвечала. Дралась озверело, как мальчишка, в детстве. Огрызалась на каждое слово, когда подросла. Никому спуску не давала. А тут...

– Тогда я сама пойду! – с трудом сдерживая комок слёз под горлом, крикнула болтающемуся снаружи замку, будто из дома кто-то наблюдал.

Дверь заскрипела. Отворилась снова. Мужчина с пепельными волосами опять появился перед ней. Лицо его было всё так же серьёзно, но в глазах промелькнула мимолётная теплота. Как будто он улыбался только внутренне. Губы оставались неподвижны. Ни одна морщинка не поплыла, выражая усмешку.

– Начинаю понимать, – бросил он.

Блажена была слишком удивлена, чтобы отвечать. Она и в смысл-то с трудом вникала. Ярка стояла за её спиной безмолвная, вжимаясь лицом в сестрино плечо.

– Отведи её домой, опять застудится, – кивнул мужчина. – С сыном я разберусь.

Дверь снова захлопнулась. Теперь, как показалось Блажене, безвозвратно.

На следующий день Милан сидел в маленькой комнатке за облезшим столом напротив деда Добрана. Сватов у него не было. Но старика это совсем не заботило. Он всегда помнил ту роковую ночь, когда всё его семейство охватил неизвестный недуг. Два сына с жёнами ушли в муках в те же сутки, оставив на руках вдового отца по одной дочери. Яромиле не успело исполниться и двух лет, Блажене шёл пятый. Их бы тоже не уберёг, если бы не Серые.

Невиданную хворь Добран считал карой за собственный грех, о котором так никому и не рассказал до самой смерти. Исцеление внучек было для него чудом. Потому и принял он сына своих чудотворцев, как благословение.

Свадьбу сыграли через месяц. И хоть не было в ней столько блеска, как у иных, но счастливее жениха и невесты ещё долго не видела эта деревня.

6. Столкновение

Наши дни...

– Эта деревня такая странная! – бубнил Егор. – Ребёнок пропал! Надо же что-то делать! Поисковые группы собирать. А от меня даже участковый отмахнулся. К вам направил.

– Местных в этот лес никакими калачами не заманишь.

– Вот! Глава ваш так и сказал, ещё и какие-то сказки приплёл! Про оборотней. Про вас тоже говорил. Что вы вроде как родич местных волков или что-то типа того. Дикость и необразованность.

Он хотел сказать что-то ещё, но по неопределённому взгляду Фёдора понял, что идея плохая.

– Вы бы тархтели меньше! – предупредил охотник, неожиданно обиженным тоном.

Егор удивился. Этот человек не был похож на простака, который верит в сверхъестественную чепуху. Чудик нелюдимый, но точно не сказочник. С другой стороны, кому бы подобные слухи понравились. Только молодому папаше примерещилось тут что-то другое. Будто не в сплетнях дело. Тогда в чём? Егор на мгновение забылся, поэтому продолжал бесцеремонно разглядывать провожатого.

– Чего? – не выдержал Фёдор, остановившись так резко, что попутчик, шедший следом, едва не врезался него.

– Просто, казалось, – пожал плечами папаша и спрятал неуместный взор, – люди вроде вас признают только вещи, которые видят своими глазами.

Фёдор усмехнулся, ещё больше озадачив собеседника.

– А вы? Никогда не сталкивались с необъяснимым? – спросил он.

– Всё можно объяснить, вопрос только в том, достаточно ли у нас знаний.

– Согласен.

Егору послышалась то ли ирония, то ли скрытая издёвка. Но переспросить он не осмелился. Охотник снова зашагал вперёд, прислушиваясь и приглядываясь. Треск, раздавшийся из глубины леса, несколько не повлиял на его спокойствие. А вот молодой отец, и без того взвинченный до крайности, вздрогнул. Замотал головой, глядя по сторонам.

– Анютка! – прохрипел он, сорвавшимся от волнения голосом.

Фёдор бросил злой взор. «Тише будь!» – проговорил одними губами, сопровождая слова предупреждающим жестом. Он не остановился. Егор, не успевший ничего сообразить, шёл по инерции. След в след за своим провожатым.

– Не удивляйтесь, – послышался бодрый голос охотника после долгого молчания, – если увидите то, что не вписывается в ваши представления. Возможно, кому-то просто не хватает знаний о настоящем мире.

– Да, в конце-то концов! – вскипел попутчик. – Что вы себе позволяете?! Вы хоть немного представляете... Нет! Вы...

Он задыхался от быстрой ходьбы и закипающей ярости. Сердце остервенело топтало грудь. В висках стучало, будто поезд по рельсам мчался. Он уже не понимал, что делает или говорит. Страхи и боли, разраставшиеся в груди все эти ужасающие сутки, захлестнули его изнутри и вырвались за пределы здравого смысла. Контроль лопнул, как перекаченный воздушный шар. С треском. С болью, прошивающей каждый нерв в голове.

– Конечно, своих-то детей у вас нет!

– Послушайте, – тщетно попытался Фёдор.

– Откуда вам знать, что может чувствовать отец?! – кричал Егор, не давая оппоненту даже фразы закончить. – Вы не знаете, что я чувствую.

Охотник с тревогой оглядел чашу. Остаться незамеченными уже не удастся. Преимущество потеряно, если оно вообще было. «И всё благодаря этому горе-папаше и его истерике!» – думал Фёдор. В нём нарастала собственная злость. Она уже опасно бурлила на поверхности, грозя переполнить чашу терпения. Но лес – не место для слабостей. Так учил отец. Значит, надо сдерживаться, чего бы это ни стоило.

– Да послушайте же вы меня! – гаркнул он, снова схватив Егора за плечи.

– Не трогайте!

Попутчик вывернулся с такой неожиданной ловкостью, что Фёдор мог удивиться, если бы не почувствовал острую боль в челюсти. Охотник не успел увернуться от кулака. Слишком странно было ждать драки от тщедушного городского мальчишки. Он и не ждал. Второй удар всё-таки успел блокировать.

– Да чтоб тебя! – взревел Егор и с новой силой бросился на соперника, с трудом повалил его на землю.

Фёдор всё ещё недоумевал, откуда в этом мешке костей столько силы. «Удивительная штука, адреналин!» – только успело промелькнуть в голове. Он вяло сопротивлялся, боясь навредить. Давненько не встречал такого сопротивления от людей. Другое дело – животные. Но с ними всё происходит иначе. Там была борьба за жизнь. А здесь?..

«Он тоже борется, – наконец, решил охотник. – А я просто под горячую руку угодил».

Он бы мог немного потерпеть. В конце концов, каждому бывает нужна боксёрская груша. Ещё лучше, когда она живая. Её и обругать можно и, что приятнее всего, обвинить в любых своих бедах и несчастьях. Фёдор и сам не отказался бы от такой. Но использовать отчаявшегося отца было бы слишком низко.

Он перевёл дух и с небольшим усилием скинул с себя горе-бойца. Тот вскинулся, чтобы вернуться в прежнюю позицию, но Фёдор уже вскочил на ноги.

– Достаточно, – строго сказал он.

– Пошёл ты! – выпалил соперник.

Он встал. Небрежно отряхнулся. Пару секунд тупо и злобно смотрел на своего провожатого, в котором в эту минуту мерещилось только надменное превосходство. Гнев сменился раздражением. Но времени не было. Егор перевёл дух. Не успокоился, но почти собрался. Другая мысль снова завладела его проясняющимся разумом. Она была гораздо важнее какого-то деревенщины. Егор стал озираться по сторонам, тщетно пытаясь вспомнить, откуда прилетел тот звук. На ум ничего не пришло. Поэтому он просто собрал всю решимость и зашагал прямо в чашу.

– Куда ты прёшь, дурак? – зашипел Фёдор. – Тропка здесь.

– Вот сам по ней и иди!

Нужно было остановить его, но у охотника не находилось слов. Снова драться? Если бы это помогало. В животном мире всё так и решается. Но почему с людьми настолько сложно?..

7. Первенец

Когда-то...

– С людьми всегда сложно! – усмехнулся дед Добран, выслушав запальчивый рассказ старшей внучки. – Серые – тоже люди, что бы там наши про них ни говорили.

– И что? – кипела Блажена. – Если они позволили Милану быть с нами, я теперь должна сыном расплачиваться? А если дочь родится?

– Тогда и не придётся никого никуда отдавать.

– Ты на чьей стороне?! У меня отнимут первенца и отправят к Серым. И мой муж с этим согласен.

– Не младенцем же заберут, – пожал плечами старик. – Нормально отдавать мальчишек в подмастерья. Может быть, к тому времени, как ему стукнет десять, он тебе самой надоест хуже горькой редьки! И нечего мне тут зыркать! Не в дальний путь его отправляешь. К родне.

– Да ну вас всех!

Блажена хотела бы встать, бросить на деда злобный взгляд и убежать куда-нибудь к обрыву, чтобы он понял, как обижает её. Чтобы все это поняли. Так она делала раньше. С самого детства. Но теперь даже перевернуться на другой бок во время сна становилось хлопотно. О резких порывах и говорить нечего. Новая жизнь в ней вносила свои законы, меняла привычный уклад.

Вообще-то ей нравилось это. «Я жена, – шептала она, закрывая глаза. – Теперь мы едины. И скоро нас будет больше». Она всё чаще говорила «мы» вместо «я» и всё меньше чувствовала свою разобщённость с миром людей, не принимавших её. Они не стали ближе. Просто теперь ей было по-настоящему всё равно. Казалось, само сердце расширяется по мере того, как растёт и крепнет новый человек внутри.

Но вместе с этим одурманивающим ощущением абсолютного счастья набирало силу и неприязненное чувство тревоги. Она боялась. И ненавидела себя за это. Стыдилась даже слова страх. Она давно запретила себе любое проявление слабости. Только с появлением Милана броня дала трещину, а теперь готова была разлететься на мелкие кусочки, оголив щуплую детскую Блаженину душу и подставив её всем ветрам и горестям.

Она привыкла не спрашивать у любимого о слухах, что ходили вокруг его племени. В конце концов, до неё слишком часто доходили рассказы про Ярку... Но сестра и правда была странной. Дед называл это «боковой стороной» лечения. Кажется, так говорили ему Серые. Блажена не помнила этого. Как и того, что было там, в доме людей, вырвавших сестёр из лап смерти. Только краткий миг, окутанный пеленой её собственного бреда, каким-то чудом сохранился в сознании. Мужчина с суровым лицом и пепельными волосами шептал что-то на непонятном наречии. Язык этот не имел ничего общего с тем, который знала девочка. Но почему-то она сразу поняла, что говорящий обращается к Луне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.